

ДРУГ МОЙ МИША ГУСЕВ

В 1952 г. мы с Мишей Гусевым поступили на биолого-почвенный факультет МГУ и попали в одну учебную группу. Мне сразу понравился этот красивый и добродушный юноша, которого друзья называли “Гросс”. “Вы думаете, что Гросс — это большой, а ведь на самом деле это — великий” — пошутил как-то Гусев. Как и многие в то время, он пришел в науку по двум причинам: наука в России всегда была наиболее престижным занятием, а в советское время она еще и гарантировала от вмешательства в вашу работу безграмотного руководства. Никто из партийного начальства не мог указать Мише, как ему ловчее заняться его любимыми цианобактериями. С легкостью необычайной Гусев защитил положенные две диссертации и к 38 годам заложил, казалось бы, прочные основы дальнейшей научной карьеры. Но тут случилось событие, сыгравшее в его судьбе решающую роль. Биолого-почвенный факультет разделился-таки на биологический и почвенный. При этом декан биолого-почвенного, Глеб Всеволодович Добровольский, ведущий почвовед страны, ушел на почвенный факультет, а вновь созданный биофак МГУ остался без декана. Как раз в эти дни сотрудник биофака Алик Тамбиев собрал в ресторане Арагви “мальчишник” — выпускников биофака 1957 года. Как всегда, заводилой застолья был Вадим Федоров. Зашла речь о будущем декане. “А вот он, декан, сидит перед нами, выпивает и закусывает!” — сказал вдруг Вадим, указав на Мишу. Тот засмеялся: “Брось Ваньку валять!” Но слово было сказано. И месяца не прошло, как с нашей легкой руки Миша стал деканом. “Гусев-Арагвийский!” — подшучивали мы над новоиспеченным главой биофака. Еще через месяц один физик, знакомый мне по Совету МГУ, выслушав первое выступление Гусева на Совете, заметил с тоской в голосе: “Молодцы биологи, нашли себе молодого, умного декана!”

Гусев стал деканом факультета в трудное время. Биологическое сообщество МГУ было фактически расколото на “полевиков”, исповедовавших классическую *биологию видов*, и “молекулярщиков”, спешивших привнести в биологию методы точных наук. Первые были более известны и уважаемы, вторые — молоды и агрессивны. “Раздрай” в тысячном коллективе факультета грозил постоянной склокой, и молодому декану предстояло совершить, казалось бы, невозможное, чтобы сохранить единство и, главное, рабочую, традиционно доброжелательную атмосферу биофака МГУ. И Гусев с честью решил эту задачу. Конечно же, была поддержка мудрого руководства МГУ: ректоров Р.В. Хохлова и В.А. Садовниченко, вице-президента академии Ю.А. Овчинникова, клю-

чевых заведующих кафедр, таких как С.Е. Северин, В.Е. Соколов, И.П. Ашмарин, В.В. Малахов. Однако решающую роль все же сыграли личные качества Миши: природный ум, доброта, честность, интеллигентность и какая-то особая, российская *широта подхода к проблеме*. По образованию микробиолог (т.е. представитель классических дисциплин), Гусев в своей научной работе стремился плодотворно использовать молекулярные методы, предотвращая тем самым противостояние двух лагерей, грозившее расколоть факультет.

В конце своего жизненного пути Гусев посвятил себя идее биоцентризма как антитезы антропоцентризму, исповедующему приоритет интересов человека над интересами живой природы. Борьба за пропаганду и реализацию этой концепции, близкой старой “классической”, равно как и новой молекулярной биологии, явилась по существу венцом деканской деятельности Михаила Викторовича: сегодня трудно себе представить лучшее поле для научного творчества декана биофака первого университета России. Блестящий лектор и талантливый оратор, Гусев с неизменным успехом нес свои идеи слушателям самых разных аудиторий. Его овациями провожали студенты-первокурсники, внимательно выслушивали участники общественного лектория МГУ и общего собрания РАН. Высок был и международный авторитет декана-биоцентриста.

Широта подхода сказалась и в отношении декана Гусева к Институту им. Белозерского, а также созданному на базе института факультету биоинженерии и биоинформатики. Гусев неизменно поддерживал обе эти организации, понимая, что они не ослабляют, а, наоборот, усиливают фронт биологических исследований в МГУ. Ведь как Институт, так и новый факультет были образованы не за счет распада биофака, а в дополнение к уже существующим биологическим кафедрам и лабораториям. Я никогда не забуду дружеской поддержки со стороны Миши практически во всех начинаниях, связанных с Институтом и факультетом. Чего стоит хотя бы тот факт, что по решению декана биофак взял на себя преподавание классической биологии на новом факультете.

При всем многообразии забот декана огромного факультета и заведующего основанной Гусевым кафедры физиологии микроорганизмов он умудрялся сохранять время и силы для занятий на досуге. Миша был страстным коллекционером марок. До самых последних дней писал стихи (на его 71-м дне рождения за несколько месяцев до смерти он читал свои новые стихи сотрудникам родной кафедры). Но, пожалуй, его самым любимым хобби стал футбол.

Футбол для нашего с Мишей поколения был куда больше, чем развлечение, любимая игра. Нам было по 10—11 лет, когда кончилась война. Два общественных события запомнились мне в последний военный год. Одно из них — фильм по пьесе поэта Виктора Гусева (потом я узнал, что он Мишин отец) “В шесть часов вечера после войны”. Гениальным было само название фильма. Оно убеждало: страшная война кончится и этот конец уже не за горами. Другое событие — игры на кубок СССР по футболу. “Раз в Москве опять начались футболы, значит войне конец”, — сказал мой старший двоюродный брат. “А ты за кого болеешь?” — спросил он меня. Я деликатно поинтересовался, за кого нужно, по его мнению, болеть. “Как за кого?” — изумился брат. “Конечно, на ЦДКА!”. Но мне показалось каким-то неказистым это слово: что-то вроде “спотыкач”. “Ну тогда болей за Спартак”. Но и это слово мне не понравилось: “Спартак-верстак”... Зато третья команда, названная братом, “Динамо” сразу очаровала звонкостью, мелодичностью и какой-то открытостью звучания своего имени (тогда еще не изобрели мерзкого слова “динамит”). Так я стал динамовским болельщиком. А когда отец взял мне билет на стадион и я увидел “своих”, то окончательно и бесповоротно влюбился в эту команду. Первым на осеннем поле стадиона “Динамо” появились наши соперники — цедековцы. Они были в красно-черной форме, что соответствовало тому времени: черный и красный были самыми распространенными цветами. А затем выбежали и рассыпались по полю динамовцы — ослепительно бело-голубые, так разительно контрастирующие с грязно-серым полем и трибунами, заполненными людьми в бедных темных одеждах. Потом я узнал, что “Динамо” — это общество милиции и КГБ, а голубой цвет — это “мундиры голубые”... Но уже ничего не мог с собой поделывать. “Динамо” стало моей командой, моей любовью, верность которой я храню вот уже 60 лет.

Футбол был в те годы *единственным* массовым зрелищем с непредсказуемым (как верили тогда) результатом. Еще не было канадского хоккея и фигурного катания. Не было и телевидения. В кино шли только советские фильмы, причем не больше двух-трех в год. Футбол был символом мирной жизни. На стадион шли, как на праздник. Появление на трибуне в пьяном виде, сквернословие или драка были так же невероятны, как в театре. После матча огромная многотысячная толпа отправлялась пешком по Ленинградскому шоссе от стадиона в сторону центра. Неспешно беседовали со случайными соседями, стараясь поддержать болельщика проигравшей команды: “Да ты не вешай нос: сегодня наша взяла, а завтра, может, твоя...”

В молодости Миша болел истово, не жалея времени, посещая все матчи с участием “Динамо” и прочитывая все, что о “Динамо” появлялось в прес-

се. Свою страсть он передал любимому сыну Виктору, который стал одним из лучших футбольных комментаторов России. Включите первую программу, когда транслируется какой-нибудь матч, и вы увидите Виктора Гусева, который так поразительно похож на своего отца в молодости. Помню, мы были вместе с Мишей в командировке, когда Вите было всего лет шесть-семь. Миша позвонил своей жене Галине домой и узнал, что у Вити сильная простуда. “Ну так хоть футбол разреши ему посмотреть по телевизору”, — попросил Миша. За два дня до смерти Миши наша команда выиграла со счетом 3 : 1 у “Крыльев Советов”. Узнал ли этот последний счет лежавший в реанимации Миша?

А полтора года тому назад, вскоре после 70-летия Гусева, на которое я, будучи в отъезде, не попал, я зашел домой к Мише. Выпил за его здоровье рюмку коньяка. Он пил тогда уже только чай. Поговорили о “Динамо”. Надо сказать, что такой разговор я всегда затевал с ним, когда “доходил до точки” и бесконечные заботы брали верх. Он беседовал со мной пять, десять минут — и житейская муть куда-то проваливалась: отпускало... В тот день после футбола Миша завел речь о поэзии и политике. “Знаешь, кто лучше всех сказал о Ленине? Пастернак” — и процитировал: “Он управлял движением мыслей и только потому — страной”.

Гусев был большим знатоком советской поэзии. Здесь сыграло роль не только кровное родство (отец), но и то, что его отчим, Константин Яковлевич Финн, был писателем.

В жизни мой друг был романтиком и немного Дон-Кихотом. Он очень любил стихотворение Ильи Иословича “Дон-Кихот”, опубликованное Издательством МГУ в серии “Второе призвание”. В той же серии вышла и книжка стихов самого М.В. Гусева. Вот одно из них. Я привожу его в первоначальном варианте, ходившем в списках среди студентов-биофаковцев пятидесятих годов ушедшего века:

Так было... Однажды на крыши домов
Внезапно спустились тысячи желтых слонов.
Так было! Не помните? Жалко...
Слоны были прекрасно на крышах видны.

Все думали — шутка, все думали — утка,
Какой-нибудь старенький трюк,
Ведь это смешно же, и желтые тоже,
И все одновременно, вдруг!

Их звали на землю: — Идите, слоны,
Вы нам в зоопарках ужасно нужны!
Другие кричали: — Там нету слонов,
Не верим мы в магию и колдунов!

Но были слоны, и на землю они
Совсем не хотели идти,
На крышах домов и под светом луны
Им нравилось больше пастись.

И люди, смеясь, отступили. Сильны
И стойки на крышах остались слоны!

Академик РАН В.П. Скулачев